

Историзм и споры о статусе науки: от философии к новой истории психологии*

О. А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Власова О. А. Историзм и споры о статусе науки: от философии к новой истории психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 380–391. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.302>

В статье анализируются историцистские дискуссии в философии и психологии 1990–2020-х годов. Реконструируется становление критической истории психологии как стремительно развивающейся области осмысления прошлого науки и дискуссионной площадки по обмену позициями о ее современности. Анализируются основания методологии новой истории и дискуссии об историзме в философии истории, филологии как исторические предшественники исследуемого проблемного поля. Последовательно анализируется типичный кейс в этом поле — спор Курта Данцигера и Дэниэла Робинсона. Раскрываются аргументация Данцигера, его трактовка психологических категорий, интерпретация позитивистских историографических оснований науки. Проблематизируется модель историзма, в рамках которой Данцигер формирует свой критицизм, и ее составляющие: отказ от линейности истории и преемственности объекта, критика позитивистской историографии, ориентация на социально направленную институциональную историю. Исследуется дискуссионная позиция Робинсона: проблематизация категорий «влияние», «преемственность», «современность», обращение к проблеме интерпретации древних источников, акцентирование значения повторения проблем в истории. Показывается, какие внутренние проблемы психологии как науки затрагивает спор, какие тенденции развития философии науки и философии истории он отражает. Рассматриваются новейшие оценки дискуссии Данцигера и Робинсона, а также смежные дебаты об истории и философии в психологии. Последовательно демонстрируется, как психология последних десятилетий обращается к проблемам философии истории, социологии знания, философии науки. Вслед за самой историей, философией, филологией она начинает проблематизировать свой предмет, язык, обращается к практике, в которой исследуемые факты обретают имена и историю. Делается вывод о том, что в этом дискуссионном поле психология культивирует самосознание, поднимает проблему своей идентификации как науки или философии, практики или теории.

Ключевые слова: историзм, новая история психологии, прошлое, современность, преемственность истории, К. Данцигер, Д. Робинсон.

В 1957 г. в одной из своих первых работ «Научное исследование и психология» Мишель Фуко задается провокационными для психологии как науки вопросами о ее научном статусе, ее взаимоотношениях с философией и ее истории как выбо-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

ре идентификации. Указывая на недавний разрыв психологии с философией, он акцентирует ее выбор как науки о природе, науки, основанной на исследовании, и одновременно подчеркивает тот факт, что, отказавшись от своей истории как философской истории (в качестве антропологической по своей направленности науки), она не может в целостности понять свое настоящее и наметить будущие перспективы. Прокручивая карусель теорий, методов, институций, он в итоге приходит к вопросу о восстановлении истории и заканчивает констатацией необходимости обращения к прошлому как обращения к основаниям: «Не связано ли тогда будущее психологии с серьезным осмыслением тех противоречий, опыт которых ее как раз и породил?» [1, с. 230], — задает он вопрос в работе «Психология с 1850 по 1950 г.».

Разумеется, Фуко разделяет общие настроения французских философов того времени, которые являются реакцией на институционализацию психологии, ее стремительное развитие, ее университетскую экспансию и, возможно, даже ее претензии на основополагающий для гуманитарных наук статус (см.: [2]). Однако он, как мы видим теперь, предчувствует и предвещает историографические споры психологии как неминуемый этап ее развития как науки. В настоящей работе мы анализируем, что эти дискуссии позволяют преодолеть психологии и какие новые перспективы они открывают. Сразу же отметим, что спор продолжается и по сей день, обогащаясь интерпретациями. Может быть, именно поэтому, несмотря на его резонансность, упоминания о нем отсутствуют в отечественной традиции.

Основание дискуссий: методология новой истории

В 1960-х годах на волне историографических споров и новой исторической волны развивается историческая отрасль психологии: появляются профессиональные организации, журналы [3; 4]. Из истории великих личностей и их теорий история психологии превращается в историю приращения психологического знания, она обогащается новыми темами и новыми методами [5]. На рубеже 1980-х, на фоне празднования столетнего юбилея создания лаборатории Вундта, акцентируется критическое самосознание и становится заметно, что эти истории весьма критически воспринимают прежний этап и только и делают, что пересматривают прежние основания своей отрасли. Критика психологии и ее традиционной истории становится основной чертой новых исследований, которые начинают обозначать как «критическую историю», или «критическую историографию» [6, p. 70].

На волне развития истории психологии примерно к концу 1980-х — началу 1990-х годов до психологии добрались «новые» тенденции. Программными здесь считаются работа Лорел Фурумото (L. Furumoto) и ее лекция, в которых она называет следующие черты нового подхода в истории психологии: 1) критицизм в противоположность церемониальности; 2) целостность и контекстуальность, выход за пределы истории «великих людей»; 3) опора на источники и архивные документы и 4) проникновение внутрь мышления периода, воссоздание проблем в том виде, в котором они были поставлены в прошлом [7, p. 18]. Описывая заявленные Фурумото черты новой истории, Бенджамин Ловетт (B. Lovett) справедливо указывает, что они стали ответом на критику классической истории психологии, основными

мишенями которой стали интернализм и отказ от контекста, презентистские тенденции, прогрессизм и виггизм [8, p. 20].

Фактически новая история психологии предполагает выход этой дисциплины из психологии как дисциплины и включение ее в междисциплинарное общегуманитарное поле дискуссий о новом историзме. Ловетт говорит здесь о превращении истории психологии из науки для психологии в науку для истории, в рамках которой, как предполагается, прошлое исследуется «не потому, что оно актуально сегодня, а просто потому, что оно существует» [8, p. 22].

Несмотря на логичную в рамках современной психологии и философии науки попытку отойти от классического историзма в исследовании прошлого собственной дисциплины, по убеждению Ловетта, развитие новой истории психологии демонстрирует, что ей не удастся уйти от старых методологических установок. Внешний критицизм часто направляется не на проблемные основания науки, а оборачивается пренебрежением к ее классическим фигурам, которое оставляет открытым вопрос о том, каковы критерии включения персоналий и теорий в историческое исследование. Внимание к контексту расшатывает психологические основания истории психологии и акцентирует социально-исторический пласт. Все это сохраняет и презентистские тенденции, которых не удастся избежать даже самым осторожным сторонникам новой истории.

Указанные противоречия индуцируют дискуссии историков психологии: и в плане их интерпретации прошлого, и в плане их взаимодействия с современными психологами и философией психологии, и в плане их включения в общую канву историографических дискуссий. Все эти факторы сплетаются воедино в дискуссии Данцигера и Робисона, которая становится, как это сейчас принято говорить, классическим кейсом в этой области. Сауло де Фрейтас Араужо (S. de F. Araujo) справедливо пишет: «Недавние трансформации в истории науки и философии науки заставили историков психологии поднять вопросы о будущем их историографии. Как мы можем разработать критическую историю психологии?.. Недавние дебаты между Куртом Данцигером (K. Danziger) и Дэниэлом Робинсоном (D. Robinson) ясно показывают, что среди историков психологии все еще существуют масштабные разногласия в том, что нужно делать» [9, p. 87]. Выход здесь — в развитии подлинно критического мышления по отношению к основаниям науки и обоюдный диалог историков и психологов с обсуждением основных проблем психологического историцизма и статуса истории в рамках этой науки

Новая история для психологии: спор Курта Данцигера и Дэниэла Робинсона

В 1997 г. в книге «Имена сознания: как психология обрела свой язык» [10] Курт Данцигер поставил вопрос о характере истории современной психологии. Через несколько лет на его провокативную идею откликнулся Дэниэл Робинсон, который обвинил Данцигера в пренебрежительном отношении к великим предшественникам. Тот не сдержался и ответил. Завязалась дискуссия, в которую вовлеклись и другие коллеги, и она длится до настоящего времени [11]. Учитывая тот факт, что Данцигер — признанный психолог, а Робинсон — философ науки, их спор в чем-то стал спором окончательно отделившейся от философии психологии и претендую-

щей на основополагающий методологический статус философии. В чем суть позиции Данцигера и почему она вызвала дискуссии?

Данцигер подчеркивает, что «взгляд на психологические категории и понятия с исторической точки зрения противоречит наиболее фундаментальной особенности современной психологии: ее а-историзму» [10, р. 8]. Для него эта черта — результат опоры на позитивистскую историографию и отождествления психологии с естественными науками, а ее следствие — некритическое принятие современной психологии как данности, как отражающей психическую реальность науки с разделами и понятиями, соответствующими объективным психическим процессам. По Данцигеру, психологические «научные категории имеют историю» и являются «внутриисторически сконструированными объектами» [10, р. 10, 11], и в этой позиции он, по собственному признанию, следует за философией науки Жоржа Кангилема, убедительно показавшего подобный историзм категорий физиологии. (Того самого, на критицизм которого в своих ранних работах о психологии опирался и М. Фуко.) Хендерикус Стам (H. Stam) также подчеркивает, что позиция Данцигера явно развивает установки социологии науки, в частности она сходна с таковой у Бруно Латтура, который указывает, что научные категории имеют характер гибридных сущностей и являются «одновременно естественными и социальными, материальными и дискурсивными. <...> Конституирование и развитие таких гибридов есть результат не только исследовательской практики, но и перераспределения пластов языка» [12, р. 24]. Каков характер подобного историзма?

Данцигер настаивает, что его позиция базируется на современной модели историзма, предполагающей отказ от линейности истории и принципа развития и смещение к социально ориентированной институциональной истории. Он настаивает на том, что современная психология и психология древняя — не одно и то же, и даже историография проблем имеет дело с ее современностью, ограниченной концом XIX — началом XX вв. «Практикам современных специальностей не нужно легитимировать свои интересы отсылками к какому-то далекому прошлому; ценность того, чем они занимаются, прочно укоренена в настоящем» [13, р. 830], — говорит он. Напрямую поднимая вопрос об историческом разрыве и нелинейности, Данцигер разъясняет: «Для меня отличительной чертой плохой истории являются утверждения о том, что прошлое идентично настоящему. В такой истории нет никакой ценности. Ценность истории в том, чтобы обратиться к прошлому с целью поиска того, что отличает его от настоящего, поиска иных способов понимания проблем и иных способов понимания мира» [14, р. 3–4]. Причем такое акцентирование прерывности истории, по его убеждению, должно дополняться обращением к непрерывности оснований: «Должен быть баланс между непрерывностью и прерывностью» [14, р. 13], именно он позволяет построить генеалогию дисциплины, чем Данцигер и занимается в своих работах.

Вопрос о начале истории для Данцигера есть вопрос преемственности объекта. Он заявляет, что всю короткую историю психологии как науки сопровождает специфическая традиционная историография, в рамках которой современная психология признается единой наукой со специфическим объектом. В древности таковым мыслилась психика, потом — природа человека, сегодня он описывается как принципы человеческого познания. Истоки психологии, таким образом, традиционно уводятся в античную эпоху, к Аристотелю, его учению о душе, а ее раз-

вите описывается как многовековая история трансформации объекта, а затем его детализации в современных исследованиях. Однако Данцигер ставит под сомнение «универсальную достоверность» психологических категорий, для него они не надстраиваются «над культурой», но включены в «профессиональную субкультуру», а следовательно, исторически вариативны [10, р. 5].

Часто цитируют провокационную фразу Данцигера: «Поскольку Аристотель написал трактат “О душе”, очень долго считали, что он первым заговорил о психологии. Учебники по истории психологии обычно начинаются с греков, игнорируя тот факт, что само понятие “психология” в его современном понимании, как характеризующее отдельную область исследования, вряд ли существовало до XVIII в.» [10, р. 21]. По убеждению Данцигера, такие выражения, как «психология Аристотеля», «психология Платона», «средневековая психология», слишком проблемны в контексте истории и философии науки, поскольку не отсылают к реальной предметности предмета и традиции¹. Они предполагают некритическую подмену современной концепции историзма классическим историзмом, который не может быть использован для интерпретации такой науки, как психология. Разумеется, он осознает, что психология возникает не в историческом вакууме, однако настаивает, что неучет специфики становления психологии как науки и ее современного состояния приводит к ошибкам идентификации. В случае опоры на классический принцип историзма единым древним прошлым объединяется все многообразие отраслей современной психологии.

Необходимо, по убеждению Данцигера, понимать, что все психологические понятия возникли в то или иное время, менялись, формировались и эволюционировали в контексте, нужно ставить вопрос об их соответствии реальным объектам. И только так, в понимании понятийной относительности, в направленности к основаниям, можно построить историю психологии. Для него специфика истории психологии, ее становления как дисциплины лежит в плоскости ее институциональной истории. В этом случае противоречивое многообразие современных отраслей не снимается в единой истории, а, напротив, проблематизируется в спорах академического сообщества, его институциональной структуры и институциональной истории.

Понятая так позиция Данцигера и последующая за ней дискуссия при такой трактовке превращаются в дискуссию об историзме классическом и современном, историзме как основании философско-научных споров об идентификации наук. Более того, эта дискуссия вовлекает спор об интерпретации, поэтому историцистская стратегия, при которой современная психология возводится к некоей объединяющей предпосылке («идее психологии»), влечет слишком большой «конструктивный» перекосяк. И надо признать, что это заключение Данцигера звучит в общем русле англо-американских дискуссий об анахронизме [15; 16].

Позиция Дэниэля Робинсона традиционно воспринимается как противоположная позиции Данцигера. Однако диспут на самом деле происходит на другом уровне. Исходный пункт — в какой-то мере личный конфликт. Данцигер употребляет термин «невежественный» по отношению к психологам и историкам психологии, пишущим книги и учебники в терминологии «от Античности до

¹ Данцигер прямо говорит, что «психология в современном смысле этого слова есть психология без души в аристотелевском смысле этого термина» [13, р. 832].

наших дней». Робинсон — один из соавторов подобной монографии. И его цель в ответе — показать, что его оппонент, обвиняющий коллег в невежестве и апеллирующий к многообразию и контексту, сам не чужд подобного игнорирования нюансов.

Робинсон по словам разбирает выше процитированную фразу Данцигера о влиянии Аристотеля на современную психологию и показывает противоречивость каждого из его терминов, не оставляя камня на камне от просвещенности, академичности и обоснованности доводов. Во-первых, он обращается к терминологии «влияния» и «преемственности» в истории науки и говорит о том, что, хотя они и понимаются часто как сходство и зависимость, как прямой долг, тем не менее указывают также на различия и эволюцию, причем различие именно в ином социально-историческом контексте. «Сказать, что современная химия чем-то обязана алхимии эпохи Возрождения, — значит, среди прочего, и отметить их существенные различия» [17, р. 820]. Во-вторых, он считает невежественным утверждение о том, что психология в своей истории устанавливает родство с трактатами Аристотеля, поскольку сравнение текстов предполагает погруженность в письменную и печатную культуру. История психологии же обращается к поднятым темам и противоречиям, и как раз здесь и можно вести разговор о постоянстве тем, идей и ошибок. В-третьих, наиболее проблемной для Робинсона оказывается фраза Данцигера о современной психологии. Он подчеркивает: «Говорить о психологии в современном смысле» — это значит употреблять четыре слова, которые несут совершенно различные коннотации. Можно *говорить* разными голосами: как участник, рассказчик, репортер, наблюдатель, критик, студент, судья. Как можно говорить о психике и психической жизни? Как это делал Локк? Как это делал Кант? Как Райль? Как Деннет?» [17, р. 822]. Нет разговора от имени психологии самой по себе: есть многообразие отраслей, профессиональных сообществ и ассоциаций, тем и методов. Понятие современности не является связанным с историей научным термином, оно отсылает скорее к диалектике самосознания, а целостной современной психологии не существует, как не существует и ее современного «смысла».

Ракурс исследования, который представляют традиционные истории психологии и который критикует Данцигер, по мнению Робинсона, в другом. «Я считаю, что все фундаментальные проблемы в психологии являются повторяющимися проблемами» [17, р. 826], — подчеркивает он. Эти проблемы в их изменении и их противоречии, повторении и преемственности и изучает история науки и история психологии. Разумеется, в этом случае мы обращаемся к обрывочным свидетельствам, к иной эпохе, другим методам и трансформируем их. Однако нашу собственную эпоху, как он отмечает, ждет такая же судьба. Но только при такой работе мы можем сохранить «голос психологии» и ее движение, так мы поддерживаем преемственность, а не постулируем разрыв, о котором говорит Данцигер.

В итоге Робинсон скорее показывает не неправомочность позиции Данцигера, а именно невежественность «критики невежества» и на самом деле общее поле историко-психологического критицизма. Он демонстрирует, что предложенная стратегия критицизма является уязвимой для критики и расширяет поле критической историографии психологии. Оказывается, что новый историзм так же, как классический историзм, не может обеспечить непротиворечивые отношения

психологии со своей собственной историей. Это как раз тот вопрос, который затрагивал Фуко в своих ранних работах, а кроме того — один из основных вопросов философии науки последних лет.

Историографические дебаты и идентичность психологии

В одной из своих статей Данцигер ссылается на Роджера Смита и его простую и красивую фразу в фукольдианском стиле: «Написать историю дисциплины — это значить показать, что это за дисциплина» [18, р. 22]. Позиции Данцигера и Робинсона представляют нам две возможные линии истории психологии и два возможных смысла ее идентификации.

Фактор, подкрепляющий дискуссии, — это сначала противоречивые отношения, а потом сближение истории и философии науки в целом. Психология выражает этот путь и первоначально как отрасль активизируется в 1970-х годах, на волне дискуссий о вынужденном характере союза философии и истории в исследованиях научного знания [19–21]. Больше десятилетия назад это настороженное отношение истории и философии друг к другу в философии науки сменилось налаживанием диалога [22], по дискуссии Робинсона и Данцигера видно, что именно в последние годы появилось множество попыток не полярного обсуждения их мнений, а предложений синтетического взгляда на обсуждаемые проблемы. Призывы к философской истории науки [23] пришли и в психологию, став призывами к философской истории психологии.

Дискуссию Данцигера и Робинсона можно назвать дискуссией «из двух углов». Она уводит нас к давнему спору философской истории психологии и психологии эмпирически ориентированной. На корни этого спора справедливо указывает нам Томас Тео (Т. Тео). «Несмотря на весомые доводы противников, история и философия психологии не живут в союзе, заключенном на небесах, — подчеркивает он. — Они научились ставить разные цели и разработали разные подходы, однако их близость как аутсайдеров в психологии как дисциплине иногда толкает их на брак по расчету, а изредка даже на институциональный брак с заранее оговоренными условиями» [24, р. 841]. Поэтому путь философского осмысления психологии не всегда лежит, как поясняет Тео, через ее историю. Это две настолько крупные области, что историк психологии нечасто бывает философом, а философ психологии редко обращается к ее истории. Кроме того, «компетентный психолог не всегда бывает компетентным историком психологии» [24, р. 842]. Разрыв, по убеждению Тео, как раз и способствовал обращению историков психологии к «новой» модели истории и переходу дискуссии о прошлом этой науки в тот формат, который мы видим в споре Данцигера и Робинсона.

Спор, как говорит Тео, есть обновление старого спора о презентизме — о том, следует ли включать исторические дисциплины в современную науку, может ли та использовать аргументацию древних, может ли воспроизвести ее в исходном виде и о том, стоит ли сохранять прошлое как прошлое, может ли психология его сохранить. Самым важным новшеством этой новой дискуссии становится включение в споры концепции прерывности/непрерывности истории. «Отказ от решения таких методологических вопросов, а также безоговорочное принятие непрерывности концепций, теорий, проблем и событий сегодня расценивается как

весьма уязвимая и невежественная позиция в истории психологии» [24, p. 842], — отмечает Тео.

Позиция Робинсона традиционна для классической истории науки, она предполагает снятие отраслевых противоречий психологии посредством обращения к единому корню и связана с признанием преемственности между метафизической традицией древности и современными эмпирически ориентированными наукой и практикой. Это история психологии от философии с ее традицией классического историзма. Позиция Данцигера выражает настроения современных психологов англо-американского мира, с их взглядами в сторону естественных наук, их увлеченностью психологией и философией сознания. Она отражает англо-американскую аналитическую позицию, в которой истории отводится достаточно проблематичное место. Спор может быть квалифицирован не только как спор об истории и историзме в психологии, но и как спор об идентификации психологии как метафизической или эмпирической науки.

Кроме того, уже сам Данцигер осознает, что поднимаемые им вопросы куда шире области истории психологии. В 2003 г. в статье «На перекрестке истории, теории и философии: историография психологических объектов» [25] он всячески подчеркивает тот факт, что предмет психологии имеет такой же сконструированный характер, как предмет других гуманитарных наук и наук в целом. И как подчеркивает Хендерикус Стам, позиция Данцигера должна быть осмыслена не во внутридисциплинарном контексте истории психологии или психологической науки, но включена в широкие дискуссии философии истории.

Философия истории последнего века активно напитывается критическими тенденциями, начинает весьма скептически относиться к возможности объективного познания прошлого и смиряется с недостаточностью средств и методов для преодоления того мировоззренческого расстояния, которое отделяет его от современности [26]. Акцентирование методологического сознания приводит к повороту от прошлого и истории к историку и дискуссиям о его практике [27]. Коллингвуд напрямую говорит об истории как о воображаемой картине прошлого [28], Рикер акцентирует роль рассказа и связывает его с конструированием, структурированием, оформлением прошлого [29]. Уайт настаивает на том, что история имеет характер филологии, сюжетного повествования, где форма и перспектива часто определяют содержание, где историк устанавливает сюжетные линии [30]. Ф. Анкерсмит радикализует эти дискуссии и настаивает, что история не связана с исторической истиной, а представляет собой особую форму ре-презентации, поэтому он акцентирует эстетическое измерение, указывает, что мы связаны с агентами истории через собственное мировоззрение и собственный опыт [31; 32]. Поэтому, как справедливо подчеркивает Стам, «в контексте более широких дебатов по философии истории работа Данцигера не так противоречива и провокационна, как это кажется психологам. Однако потому что его аудиторию составляют психологи... Данцигер вынужден отстаивать свои доводы, хотя в ряду профессиональных историков это было бы излишне и странно» [12, p. 28].

Дискуссия Данцигера и Робинсона показывает поворот к проблемам философии истории, социологии знания, философии науки (см.: [33, 34]). Она отмечает попытку ввести новейшие тенденции историцистских дискуссий в психологиче-

скую науку. Вслед за самой историей, за философией, филологией психология начинает релятивизировать характер своего предмета, языка, обращается к исследовательской практике, в которой исследуемые факты обретают имена и историю. Насыщенность дискуссий и их не амбивалентность, но проблемность (ведь мы действительно видим не противоречащие, но дополняющие друг друга позиции) показывают готовность психологии говорить о своем языке и своем прошлом, о своей индентификации как науки или философии, практики или теории. Если вспомнить философский критицизм 1920–1960-х годов по отношению к психологии и длительные напряженные отношения этих двух наук, то недавние явления кажутся действительно поворотными.

По дороге к этим интересным для нее самым спорам психология прошла любопытный путь. Она отделилась от философии, полностью оставив ее в прошлом, обретая новые проблемы и институции, разработала свой собственный язык, погрузилась во множество проблем. Многие ее отрасли (взять хотя бы психологию сознания, нейропсихологию) оказались топовыми отраслями среди научных отраслей в целом. Она стала сейчас настолько обширной, многообразной и стремительно развивающейся, что осмелилась на вопрос «новой» истории, современной истории ее настоящего. Фуко рукоплескал бы подобной исторической коллизии и обязательно обратил бы на нее особенное внимание. Если посмотреть на дискуссии с позиции философии, то мы видим не только возвращение к ней психологии и попытку разговора на равных, но гораздо больше: готовность психологии говорить о собственных основаниях, как утверждал Фуко, о породивших ее противоречиях. Такой скачок самосознания показывает окончательное укрепление психологии как науки и, возможно, начало новой фазы методологического развития.

Литература

1. Фуко, М. (2015), *Ранние работы*, пер. Власова, О. А., СПб.: Владимир Даль.
2. Власова, О. А. (2019), Критика психологии во французской философии середины XX в. в свете «спора о психологизме», *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, № 1, с. 127–144.
3. Власова, О. А. (2022), Исследования историзма в поиске новых путей. История, психология, филология, философия, *Диалог со временем*, вып. 80, с. 17–29.
4. Watson, R. I. (1975), The history of psychology as a specialty: A personal view of its first 15 years, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, vol. 11, pp. 5–14.
5. Leahey, T. H. (1986), History without the past [Review of the book *Topics in the history of psychology*, by G. A. Kimble & K. Schlesinger], *Contemporary Psychology*, vol. 31, pp. 648–650.
6. Watrin, J. P. (2017), The «New history of psychology» and the uses and abuses of dichotomies, *Theory & Psychology*, no. 1, pp. 69–86.
7. Furumoto, L. (1989), The new history of psychology, *The G. Stanley Hall Lecture Series*, vol. 9, pp. 9–34.
8. Lovett, B. J. (2006), The new history of psychology: A review and critique, *History of Psychology*, no. 1, pp. 17–37.
9. De Freitas Araujo, S. (2017), Toward a philosophical history of psychology: An alternative path for the future, *Theory & Psychology*, no. 1, pp. 87–107.
10. Danziger, K. (1997), *Naming the mind: How psychology found its language*, London: Sage.
11. Brock, A. C., Louw, J. and Hoorn, W. van (2004), *Rediscovering the history of psychology: Essays inspired by the work of Kurt Danziger*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
12. Stam, H. J. (2004), Reconstructing the subject: Kurt Danziger and the revisionist project in historiographies of psychology, in: Brock, A. C., Louw, J. and Hoorn, W. van (eds), *Rediscovering the history*

of psychology: *Essays inspired by the work of Kurt Danziger*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 19–32.

13. Danziger, K. (2013), Psychology and its history, *Theory & Psychology*, no. 6, pp. 829–839.
14. Danziger, K. (2006), Rediscovering the history of psychology: interview with Kurt Danziger. Interview by Adrian C. Brock, *History of Psychology*, no. 1, pp. 1–16.
15. Рорти, Р. (2017), *Историография философии: четыре жанра*, пер. Джохадзе И., М.: Канон+; РООИ «Реабилитация».
16. Джохадзе, И. Д. (2012), Ричард Рорти как историк философии, *История философии*, вып. 17, с. 3–24.
17. Robinson, D. N. (2013), Historiography in psychology: A note on ignorance, *Theory & Psychology*, no. 6, pp. 819–828.
18. Smith, R. (1997), *The Fontana history of the human sciences*, London: Fontana.
19. Giere, R. (1973), History and philosophy of science: Intimate relationship or marriage of convenience?, *British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 24, pp. 282–297.
20. Burian, R. (1977), More than a marriage of convenience: On the inextricability of history and philosophy of science, *Philosophy of Science*, vol. 44, pp. 1–42.
21. McMullin, E. (1976), History and philosophy of science: A marriage of convenience?, *Boston Studies in the Philosophy of Science*, vol. 32, pp. 585–601.
22. Domskey, M. and Dickson, M. (eds). (2010), *Discourse on a new method: Reinvigorating the marriage of history and philosophy of science*, Chicago: Open Court.
23. Arabatzis, T. (2016), The structure of scientific revolutions and history and philosophy of science in historical perspective, in: Blum, A., Gavroglu, K., Joas, C. and Renn, J. (eds), *Shifting paradigms: Thomas Kuhn and the history of science*, Berlin: Edition Open Access, pp. 191–201.
24. Teo, T. (2013), Agnotology in the dialectics of the history and philosophy of psychology, *Theory & Psychology*, vol. 23, pp. 840–851.
25. Danziger, K. (2003), Where theory, history and philosophy meet: The biography of psychological objects, in: Hill, D. B. and Kral, M. J. (eds), *About psychology: Essays at the crossroads of history, theory and philosophy*, Albany, New York: SUNY Press, pp. 19–33.
26. Репина, Л. П. (2011), *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*, М.: Круг.
27. Munslow, A. (2011), The historian as author, *SPIEL*, no. 1, pp. 73–88.
28. Колингвуд, Р. Дж. (1980), *Идея истории. Автобиография*, пер. Асеев, Ю. А., М.: Наука.
29. Рикер, П. (1992), Повествовательная идентичность, пер. Мачульская, О. И., в: *Герменевтика. Этика. Политика*, М.: Academia, с. 19–37.
30. Уайт, Х. (2002), *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*, пер. Трубина, Е. Г. и Харитонов, В. В., Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
31. Анкерсмит, Ф. (2007), *Возвышенный исторический опыт*, пер. Неклюдов, М. С. и Борисов, И. В., М.: Европа.
32. Анкерсмит, Ф. (2003), *История и тропология: взлет и падение метафоры*, пер. Кукарцев, М., Коломоец, Е. и Кагаев, В., М.: Прогресс-Традиция.
33. Соколов, Б. Г. (2023), Постапокалипсис и постистория, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 39, вып. 3, с. 274–288.
34. Дьяков, А. В. (2019), История философии как философия: французский опыт, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 35, вып. 1, с. 222–229.

Статья поступила в редакцию 26 мая 2023 г.,
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Власова Ольга Александровна — д-р филос. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0003-4881-3652>, o.a.vlasova@gmail.com

Historicism and Debate on the Status of Science: From Philosophy to the New History of Psychology*

O. A. Vlasova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Vlasova O. A. Historicism and Debate on the Status of Science: From Philosophy to the New History of Psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 380–391. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.302> (In Russian)

The paper analyzes historicist discussions in philosophy and psychology in the 1990–2020s. The development of the critical history of psychology as the field of understanding the science past and as a discussion platform for the exchange of positions on its modernity is reconstructed. The dispute between K. Danziger and D. Robinson as a typical case in this field is consistently analyzed. Danziger’s argumentation, his interpretation of psychological categories, interpretation of the positivist historiographic foundations of science are revealed. The author problematizes the model of historicism, within which Danziger forms his criticism, and its components: the rejection of the linearity of history and the continuity of the object, criticism of positivist historiography, orientation towards a socially oriented institutional history. Robinson’s debatable position is studied: problematization of the categories “influence”, “continuity”, “modernity”, the appeal to the problem of interpretation of ancient sources, emphasizing the significance of the repetition of problems in history. It is shown what the problems of psychology as a science dispute absorbs, what lines on the development of the philosophy of science are placed. The latest assessments of the Danziger-Robinson discussion, as well as related debates on the history and philosophy of psychology, are reviewed. The author demonstrates that psychology often raises problems in the philosophy of history, the sociology of knowledge, and science. Following the history, philosophy, philology, it begins to problematize its subject, language, turns to practice, in which its facts the names and history are revealed. The author concludes that in this discussion field, psychology cultivates self-consciousness, raises the problem of its identification as a science or philosophy, practice or theory.

Keywords: historicism, new history of psychology, past, present, continuity of history, K. Danziger, D. Robinson.

References

1. Foucault, M. (2015), *Early works*, St. Petersburg: Vladimir Dal’ Publ. (In Russian)
2. Vlasova, O. A. (2019), Criticism of psychology in French philosophy of the mid-twentieth century in the light of the “dispute on psychologism”, *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 127–144. (In Russian)
3. Vlasova, O. A. (2022), Historicism research in search of new ways, *Dialog so vremenem*, vol. 80, pp. 17–29. (In Russian)
4. Watson, R. I. (1975), The history of psychology as a specialty: A personal view of its first 15 years, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, vol. 11, pp. 5–14.
5. Leahey, T. H. (1986), History without the past [Review of the book *Topics in the history of psychology*, by G. A. Kimble & K. Schlesinger], *Contemporary Psychology*, vol. 31, pp. 648–650.
6. Watrin, J. P. (2017), The “New history of psychology” and the uses and abuses of dichotomies, *Theory & Psychology*, no. 1, pp. 69–86.
7. Furumoto, L. (1989), The new history of psychology, *The G. Stanley Hall Lecture Series*, vol. 9, pp. 9–34.
8. Lovett, B. J. (2006), The new history of psychology: A review and critique, *History of Psychology*, no. 1, pp. 17–37.

* The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00174 “Historicism as a paradigm of humanities”.

9. De Freitas Araujo, S. (2017), Toward a philosophical history of psychology: An alternative path for the future, *Theory & Psychology*, no. 1, pp. 87–107.
10. Danziger, K. (1997), *Naming the mind: How psychology found its language*, London: Sage.
11. Brock, A. C., Louw, J. and Hoorn, W. van (2004), *Rediscovering the history of psychology: Essays inspired by the work of Kurt Danziger*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
12. Stam, H. J. (2004), Reconstructing the subject: Kurt Danziger and the revisionist project in historiographies of psychology, in: Brock, A. C., Louw J. and Hoorn W. van (eds), *Rediscovering the history of psychology: Essays inspired by the work of Kurt Danziger*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 19–32.
13. Danziger, K. (2013), Psychology and its history, *Theory & Psychology*, no. 6, pp. 829–839.
14. Danziger, K. (2006), Rediscovering the history of psychology: Interview with Kurt Danziger. Interview by Adrian C. Brock, *History of Psychology*, no. 1, pp. 1–16.
15. Rorty, R. (2017), *Historiography of philosophy: four genres*, Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiia Publ. (In Russian)
16. Dzhohadze, I. D. (2012), Richard Rorty as a historian of philosophy, *Istoriia filosofii*, vol. 17, pp. 3–24. (In Russian)
17. Robinson, D. N. (2013), Historiography in psychology: A note on ignorance, *Theory & Psychology*, no. 6, pp. 819–828.
18. Smith, R. (1997), *The Fontana history of the human sciences*, London: Fontana.
19. Giere, R. (1973), History and philosophy of science: Intimate relationship or marriage of convenience?, *British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 24, pp. 282–297.
20. Burian, R. (1977), More than a marriage of convenience: On the inextricability of history and philosophy of science, *Philosophy of Science*, vol. 44, pp. 1–42.
21. McMullin, E. (1976), History and philosophy of science: A marriage of convenience?, *Boston Studies in the Philosophy of Science*, vol. 32, pp. 585–601.
22. Domsy, M. and Dickson, M. (eds) (2010), *Discourse on a new method: Reinvigorating the marriage of history and philosophy of science*, Chicago: Open Court.
23. Arabatzis, T. (2016), The structure of scientific revolutions and history and philosophy of science in historical perspective, in: Blum, A., Gavroglu, K., Joas, C. and Renn, J. (eds), *Shifting paradigms: Thomas Kuhn and the history of science*, Berlin: Edition Open Access, pp. 191–201.
24. Teo, T. (2013), Agnotology in the dialectics of the history and philosophy of psychology, *Theory & Psychology*, vol. 23, pp. 840–851.
25. Danziger, K. (2003), Where theory, history and philosophy meet: The biography of psychological objects, in: Hill, D. B. and Kral, M. J. (eds), *About psychology: Essays at the crossroads of history, theory and philosophy*, Albany, New York: SUNY Press, pp. 19–33.
26. Repina, L. P. (2011), *Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice*, Moscow: Krug Publ. (In Russian)
27. Munslow, A. (2011), The historian as author, *SPIEL*, no. 1, pp. 73–88
28. Collingwood, R. G. (1980), *The Idea of history*, transl. by Aseev, Iu. A., Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
29. Ricoeur, P. (1992), Narrative identity, in: *Germenevtika. Etika. Politika*, Moscow: Academia Publ., 1992, pp. 19–37. (In Russian)
30. White, H. (2002), *Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe*, transl. by Trubina, E. G. and Kharitonov, V. V., Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ. (In Russian)
31. Ankersmit, F. (2007), *Sublime Historical Experience*, transl. by Nekliudov, M. S. and Borisov, I. V., Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
32. Ankersmit, F. (2003), *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor*, transl. by Kukartsev, M., Kolomoets, E. and Kataev, V., Moscow: Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
33. Sokolov, B. G. (2023), The post-apocalypse and the post-history, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 39, iss. 3, pp. 274–288. (In Russian)
34. Dyakov, A. V. (2019), History of Philosophy as Philosophy: French Experience, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 35, iss. 1, pp. 222–229. (In Russian)

Received: May 26, 2023

Accepted: July 2, 2024

Author's information:

Olga A. Vlasova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-4881-3652>, o.a.vlasova@gmail.com